

[Л.394]

Стенограмма воспоминаний Цыбули Анны Антоновны, с. Комаровка, Корсунь-Шевченковского района.

Стенограмму вел зав. отделом хроники и библиографии Комиссии по истории Отечественной войны на Украине при АН УССР тов. Деляуров К.А.

Стенографировала – Полищук.

21.7-46 года.

Родилась я в 1915 г. Член колхоза «Сов. мнение». Жила все время в с. Комаровка. Первый раз вышла замуж в 1936 г. за Токаренко Грицько Алексеевича.

В 1941 г. 22 июня мой муж ушел в армию. Я осталась с сыном Антошем, рождение 1937 г., и матерью мужа. Через некоторое время в деревню вошли немцы.

Наш дом стоял над дорогой по Шендеровской дороге. Однажды к нам зашли ночью немцы, 6 человек. Боясь их, я скрылась на чердаке. Немцы делали, что хотели. Разбили дверь в хлеву, забрали поросенка, корову. Двое из них ушли, а четверо остались в доме. Голосов и суеты в доме больше не было слышно.

Я слезла с чердака и вошла в хату. Один из них схватил меня за рубашку, я вырвалась и выскочила из хаты. Убежала я аж на берег. За мной они не гнались. У берега просидела я до утра. Утром я вернулась домой, немцев в хате не было, они уехали на с. Почапинцы.

[Л.395] В 1944 г. все люди убежали из села, но мы с матерью и сыном остались в своем доме. Мать говорила, что если бросим дом – а все имущество было в доме, ничего не закапывали, – то как оставим его, так оно и пропадет. Я просила мать, чтобы взять корову и идти в другие села, но она никак не хотела покидать свой дом, уговаривала меня, что грязь, ночь, все равно ничего не видно, еще кто-то перестреляет.

Я таки не послушала матери, взяла ребенка и пошла к соседу, через два дома в третий. В хате были только дед и старуха. Скоро пришла туда и моя мать. Мне нужно было навеститься к корове, потому что она должна была родить теленка. Было часа два ночи. Я вышла из дома, с ребенком осталась мать. Когда я подошла к своему дому, то увидела, что все окна закрыты, на пороге стоит военный. Спросил меня, я ли хозяйка этого дома. Я вошла в дом. Скоро в хату прибежала мать.

В хате стоял телефон. Красноармейцев было 20 человек. Они хотели есть. Я подумала, что нужно сварить им кушать. Полезла в погреб, набрала картошки. Часть военных легли спать, а часть дежурила у телефона и у двери. Я начистила картошку. Разложила дрова в печи и только хотела разжигать, как отворилась дверь и кто-то крикнул «огонь». В хату стали стрелять. Свет погас. Стало темно. В темноте не знаешь, куда бежать. Все пятеро окон закрыты. Стали падать вещи и стекла. Это было примерно в 4 часа ночи.

Сразу же, когда началась стрельба, мать упала возле печи. Телефон и стол упали на бойцов, которые лежали [Л.396] под столом и на земле. Меня

под лавкой прижала стена. Больше я ничего не помню. Из дома почти совсем не отстреливались. В хате взорвали сволохи [так в тексте]. Когда совсем утихла стрельба, я почувствовала, что у меня ничего не болит, тогда помаленьку стала вылезать. Я подплыла кровью. Начала искать мать. Смотрю, мать умерла. В доме крови налито на четверть уровня грубы [дровяная печь]. Глядя на этот ужас, мне захотелось ползть на печь. Я не знаю, что со мной делалось, это, должно быть, от страха.

Только я вылезла из-под скамьи, как услышала, что кто-то говорит: «Берите свои лучшие вещи и бегите», – говорил мне тяжело раненный красноармеец.

Мне опять-таки захотелось ползть на печь, я ведь и не знала, что дом уже горит.

Снова я услышала возле дома немецкий язык. Не сильно понимая, я полезла назад под лавку между избитыми красноармейцами. В дом вошли два немца. Один из них встал на спину и воткнул нож в горло тому красноармейцу, который разговаривал мной.

Дом начал сильно гореть. Оба немца вышли из избы. Мало-помалу я вылезла из-под скамьи. Прибежала в укрытие, а там тоже стоит Кузьменко Татьяна, которая забилась в угол и не видит, что дом горит. Немцы ее дом тоже сожгли.

Я скорее отвязала корову, и мы начали бежать. Прибежали на край села, вскочили в погреб. А там людей полно набилось. Сидим все тихо. Потом приходят немцы, открыли погреб, приказали вылезать. Все мы вылезли. Тут со стороны Почапинец ударила «катюша».

[Л.397] После этого я ничего не помнила, побежала на берег. Не знаю, где кто делся. Там стояли девять лошадей, они сразу попадали. Почему я подумала, что это катюши, потому что я знала, что огонь с катюш круглый, по цвету огонь красный, синий.

Прибежала я обратно к соседу, где оставила своего сына, они сидят перепуганные. В доме полно раненых немцев. Мальчик спросил меня, где бабушка, почему я в крови, а ведь я и не знала, что я вся в крови. Я взяла мальчика и вскочила в погреб. Там мы сидели все время сражения. Бой длился 6 дней. Занимали село то немцы, то наши.

Как-то сказали немцы сварить им есть, что делать – должен идти. Вылезла я из погреба, начала варить. Пока сварила им есть, пришли наши, потом снова наши куда-то делись.

Когда наши вошли в деревню после уничтожения немецкой группы, мы из погреба боялись вылезать, потому что не знали, что уже конец. А наши бойцы боялись открыть подвал, думали, что там немцы. Мы начали просить, только тогда они нас выпустили.

После боя я пошла на пожарище. Нашла мать. Ног и рук у нее не было – сгорели, осталась только борода, наверное, не сгорела только потому, что была присыпана землей. Мать я похоронила. Теперь я осталась одна с сыном.

Все красноармейцы, которые были в моем доме, сгорели. Правда, один был присыпан землей, так что нашли у него документы. Мать его писала на наш сельсовет письма и хотела знать, как он погиб.